

Максим Момот

РЕАЛИЗМ ПРОТИВ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

ПОЧЕМУ ЧРЕЗМЕРНОЕ РВЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Глобальное лидерство Америки — это следствие эффективности ее институтов, с одной стороны, и краха прежнего конкурента и пока еще слабости нынешнего — с другой. Такое лидерство, будучи следствием, не может быть целью. В непонимании этого состоит главный просчет авторов «Проекта нового американского века», который грозит стране роковыми последствиями.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В НИКУДА

Основной документ, которым, по всей видимости, руководствуется нынешняя американская администрация в области внешней политики, появился еще в 1997 году. Заявление о принципах «Проекта нового американского века»¹ подписали, среди прочих, будущие вице-президент Дик Чейни, министр обороны Дональд Рамсфельд и его заместитель Пол Вулфовиц. Содержание этого небольшого документа похоже на самоуспокоение дряхлеющего великана, который пытается уверить себя, что «есть еще порох».

«Американская политика в сфере иностранных дел и обороны движется по воле волн, — констатируют авторы заявления. — Консерваторы критиковали непоследовательные действия администрации Клинтона... Однако... они не настояли на таком оборонном бюджете, который обеспечил бы безопасность Америки и позволил отстаивать ее интересы в новом столетии».

Для того чтобы понять, чем является военный бюджет для американцев, необходимо обратиться к истории. Во времена Рейгана военные расходы были, по мнению современников, знаменем для демонстрации националь-

1 Project for the New American Century. Statement of Principles. June 3, 1997. <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm>

ной решимости независимо от их разумности. Военный бюджет был не просто элементом внешней политики, он служил ее главным символом.

Однако не всегда американцы показывали такую воинственность. Например, Томас Джефферсон, став президентом, сократил не только численность регулярной армии и флота, но даже персонал дипломатических представительств в Англии, Франции и Испании. Причем возможность английской интервенции в США тогда сохранялась и стала реальностью уже через три года после ухода Джефферсона с поста президента. В ходе войны 1812–1814 годов англичане разграбили и сожгли недостроенный Белый дом и Капитолий. Казалось бы, после этого президент-миролюбец должен был быть проклят, а все силы брошены на перевооружение и увеличение армии. Этого, однако, не произошло. Почему? Потому что экономия государственных средств, являющаяся практически синонимом свободы предпринимательства, освобождаемого, таким образом, от непомерных налогов, считалась куда более важной целью, чем поддержание военного престижа страны. Весь штат американских госслужащих сразу после обретения независимости составлял около 350 человек. Причем речь идет о государстве, которое уже тогда было огромным по территории (от Восточного побережья до Миссисипи) и значительным по населению (2,5 млн перед Войной за независимость, то есть $\frac{1}{3}$ от населения тогдашней Британии).

Неоконсерваторы забывают или просто не хотят помнить того очевидного факта, что оборонный бюджет, за увеличение которого они ратуют, является лишь отражением объема национальной экономики, он ей пропорционален. Его нельзя увеличивать произвольно. Если американская промышленность будет продолжать разоряться из-за давления социальных программ и обязательств, не позволяющих ей конкурировать со странами с дешевой рабочей силой, то об увеличении военного бюджета вообще следовало бы забыть. Ведь чем больше он в нынешних условиях будет становиться, тем скорее экономика лопнет, как случилось с Советским Союзом.

Формально Буш предлагает увеличение бюджетных расходов на 2%, в то время как экономика растет на 3,5% в год. Но вся проблема в том, за счет чего происходит этот рост и можно ли его считать ростом. Является ли сфера услуг экономикой в полном смысле слова и можно ли на основании того, что больше людей стали ходить в кинотеатры, принимать решение об изъятии из экономики такого-то количества миллиардов для перевооружения армии, не вполне ясно.

Необходимо, кроме того, понимать смысл и природу войны, для ведения или предотвращения которой и существует военный бюджет. Война — это способ реализации уже существующих преимуществ, а не создания принципиально новых. Только в этом случае она бывает успешной. Разгром Соединенными Штатами Испании в 1898 году и установление контроля над частью ее бывших колоний — это реализация уже существовавшего к тому времени многократного превосходства США над этой страной, как и в случае с Ираком. Война Германии против Франции, Великобритании, СССР и США, напротив, с самого начала была бесперспективной, поскольку превосходит-

вом над этими державами, которое позволило бы Германии получить принципиально новые преимущества (оставить за собой Францию и получить земли на востоке), она не обладала. Вместе с тем присоединение Австрии и Чехословакии прошло относительно безболезненно, так как Германия в данном случае реализовала действительно существовавшее у нее преимущество перед другими странами в этих регионах, не являвшихся, кроме того, ключевыми для обороны великих держав. Истина банальна — не нужно откусывать больше, чем можешь проглотить.

Америка может распродать все свои богатства и сформировать оборонный бюджет, достаточный для завоевания Солнечной системы, но удержать больше того, что может позволить ее экономический и демографический потенциал, она все равно не сумеет. Соединенные Штаты не получают больше преимуществ, чем они имеют благодаря своей экономике и численности населения, какую бы армию ни создали. Верен и обратный принцип — даже если военный бюджет и армия будут меньше тех, которые соответствуют общему американскому потенциалу, на интересы США все равно никто не покусится, поскольку очевидно, что военный бюджет и армию можно безболезненно увеличить до соответствующего возможностям страны уровня в любое время.

Нежелание некоторыми американскими политиками и стратегами принимать во внимание несоответствие ресурсов страны задачам всеобъемлющего глобального господства, весьма тонко подмечено противниками такого господства. По циркулирующей в аналитических работах информации, в 1992 году появился закрытый китайский документ, в котором говорилось: «Со времени превращения в единственную сверхдержаву США жестоко борются за достижение нового гегемонизма и преобладание силовой политики — и все это в условиях их вхождения в стадию относительного упадка и обозначения предела их возможностей»². Если этот документ достоверен, то можно отметить высокую степень компетенции китайских экспертов, уже в 1992 году увидевших пределы американской мощи, когда весь остальной мир и сами американцы пребывали в эйфории от победы в холодной войне.

НЕИЗБЕЖНАЯ УЯЗВИМОСТЬ

Зачем Америке вообще нужна внешняя политика? К чему все базы, договоры, сотни тысяч солдат в Европе и Азии? Неужели нельзя просто торговать, расположив военный флот по периметру собственной береговой линии? Ведь когда-то американцы так и поступали.

Однако история убеждает в опасности изоляционизма. Отсутствие контроля над Европой приводило в прошлом к печальным последствиям, из которых сожжение англичанами Капитолия и Белого дома в 1814 году и приход столетием позже к власти в России большевиков, чуть было не уничтоживших

2 Цит. по: Уткин А. И. Американская стратегия для XXI века. М., 2000. С. 173. Как можно понять по не совсем точной ссылке, информация первоначально появилась в «New York Times» в апреле того же 1992 года.

Соединенные Штаты в надвигающейся ядерной войне, были лишь наиболее яркими, но отнюдь не единственными событиями. Япония, до того, как была оккупирована американцами, развязала против них безжалостную войну.

Но разве сегодня, после разгрома Советского Союза, установления некоторого контроля над российским ядерным потенциалом, умиротворения европейских столиц и Токио, есть хоть что-то, что могло бы по-настоящему угрожать Америке и оправдывать ее глобальное присутствие? Разумеется, несколько камикадзе, захвативших четыре самолета, угрозой стране являться не могут³. Индивидуальный террор с использованием обычного оружия и даже неких технических средств, в принципе не может представлять угрозы существованию современного государства, о чем свидетельствует опыт Израиля. Однако использование химического, бактериологического или ядерного оружия делает этот вывод не столь однозначным. Подобного рода атаки вполне реальны и могут унести десятки, а, возможно, и сотни тысяч жизней. Одного этого было бы достаточно для реформирования ближневосточных стран в выгодном США направлении, дабы устранить корни терроризма.

Но война с терроризмом не оправдывает фактически продолжающуюся оккупацию части Европы, продвижение НАТО на восток, оккупацию Японии, Южной Кореи, поддержку Тайваня. А обезвреживание террористов, возможно, следовало бы поручить ЦРУ, а не двухсоттысячной армии в Ираке, которая, как полагают многие, лишь способствовала расцвету терроризма в спокойной до того стране.

Дело, однако, в том, что противоборство между странами носит постоянный и ожесточенный характер, даже если в какие-то периоды истории оно становится менее заметным. Война всех против всех, прекратившаяся внутри стран благодаря установлению законов, продолжается на международной арене, где игроки не скованы никакими законами, правилами, резолюциями ООН и прочими глупостями. Государствам свойственна агрессивность, это их неотъемлемая черта (речь, конечно, не идет о протекторатах вроде стран ЕС и Японии). Другая неотъемлемая черта всех государств — это наличие наряду с центристскими и центробежными тенденциями. Последние вполне могут быть использованы внешними врагами (распад СССР — яркий пример).

Во всех государствах заложен механизм самораспада, который может активизироваться в силу различных причин. Единая с виду Турция с трудом удерживает это единство, ведя жестокую войну против Курдистана, стремящегося к свободе. Ирак грозит распасться на курдский север, суннитский центр и шиитский юг. В Иране персов только половина, зато азербайджанцев больше, чем в Азербайджане. Не всякий эксперт сможет объяснить, почему до сих пор существует Индия, искусственно созданное англичанами

3 В 2001 году вероятность гибели в результате террористического акта составляла в Америке 1 из 100 тысяч. Средний американец мог куда скорее умереть от гриппа или воспаления легких (1 из 4500) или покончить с собой (1 из 9200). Несмотря на всю циничность подобных расчетов, на них нельзя не обращать внимания.

государство, состоящее из множества разных народов. Тенденции к распаду существуют в Китае, оккупирующем Тибет и Синьцзян. Почти все африканские страны искусственно созданы европейцами. Очевидны тенденции распада в Канаде (Квебек), в Испании (баски, Каталония, Галисия), в Британии (Ольстер, Уэльс, Шотландия), в Италии (север-юг), на Украине (запад-восток). Многократно анонсированный распад России также подспудно продолжается. Менее заметные противоречия существуют и в других странах. Соединенные Штаты не являются исключением. Америка сидит на бомбе, и эта бомба — Мексика.

Разговоры нынешних консерваторов об угрозе целостности страны, которую представляет заселение мексиканцами южных штатов, имеют за собой весьма опасные исторические прецеденты. Проблема не только в ползучей аннексии, но и в вероятности участия Мехико в антиамериканском союзе с евразийским конкурентом Вашингтона. Возможность такого союза прощупывалась в минувшем столетии как минимум дважды.

Вступлению США в Первую мировую войну в апреле 1917 года предшествовал перехват и обнародование «депеш Циммермана», в которой министр иностранных дел Германии предлагал Мексике вступить в войну с Соединенными Штатами на стороне Тройственного союза, обещая, кроме денег, еще и содействие в вопросе возвращения Мексике «утерянных ее территорий в штатах Нью-Мексико, Техас и Аризона». Известен также интерес Гитлера к использованию южного соседа США в войне с ними. Иными словами, появление сильного соперника за океаном может стать прямой угрозой для территориальной целостности США.

Даже если бы Соединенные Штаты находилась на Луне, расклад сил в Евразии имел бы для их безопасности ключевое значение, поскольку мировые ресурсы как природные, так и человеческие, сосредоточены на центральном континенте. А за них пришлось бы все равно бороться. *Именно сочетание двух неотъемлемых характеристик государств — их агрессивности, с одной стороны, и нестабильности — с другой — делает международные отношения смертельной схваткой.* Будь суверенные страны агрессивны, но стабильны, или нестабильны, но и неагрессивны, отношения между ними не были бы предметом столь пристального внимания и колоссальных денежных вложений. Как и футбольные матчи, противостояние наций не может всегда заканчиваться вничью. Периодически наступает трагическая развязка очередного турнира, как это было совсем недавно в холодной войне, поражение в которой поставило крест на России как великой державе. В оценке жестокости мировой политики неоконсерваторы не ошибаются.

Но как долго Америка в принципе может диктовать миру свою волю? Откуда берется так называемое «имперское перенапряжение», которое, по прогнозам изоляционистов, погубит Америку так же, как прежде оно губило другие «зарвавшиеся» державы? Чем шире круг на песке, символизирующий границы знаний, тем с большим количеством неведомого он соприкасается, так и имперский контроль, разрастаясь, сталкивается со все большим числом регионов, которые еще только предстоит поглотить.

Примером может служить война во Вьетнаме, в ходе которой выяснилось, что для успешной борьбы с вьетнамскими коммунистами надо бомбить еще и Камбоджу, так как там проходят их коммуникации. Потом оказывается, что нужно вторгнуться и в Лаос, где также укрываются северяне. Но коммунистов поддерживают Китай и Советский Союз, что делать с ними, непонятно. Американцы оказались в роли мифического героя, пытающегося выпить море.

История грозит повториться в Ираке, ведь для предотвращения поддержки иракских шиитов Ираном, надо что-то с ним делать. А это, в свою очередь, может вызвать радикализацию исламистов по всему миру и падение проамериканских режимов в других странах. Исправляя эти ошибки в пожарном режиме, есть опасность наделать новые, еще худшие.

Если бы Соединенные Штаты обладали миллиардным населением и территорией, размером с Советский Союз, их мировая гегемония имела бы надежную основу. Но очевидная неспособность как следует оккупировать даже относительно небольшой Ирак, несмотря на блестяще проведенную собственно военную кампанию, делает их господство эфемерным, основанным на временном благоприятном раскладе сил. Население США составляет всего 4% мирового, их территория — 7% территории земного шара. Лишь неграмотность и нищета большинства населения земли позволяют этим нескольким процентам править планетой.

Доктрина упреждающей войны, практическим применением которой стал Ирак, является только перенесением той политики, которую Соединенные Штаты традиционно проводили в Латинской Америке, на весь остальной мир. «Большая дубинка» Теодора Рузвельта благодаря росту американской мощи теперь может безнаказанно умирять ближневосточные страны. Проблема, однако, заключается в том, что не только весь мир, но даже Западное полушарие становится столь населенным и экономически динамичным, что перспективы американского господства, скорее всего, безрадостны. Сначала оно сменится доминированием, чтобы потом, по всей видимости, стать второстепенным фактором мировой политики. Увеличение американского оборонного бюджета, мечта неоконсерваторов, не только не замедлит, но, возможно, и ускорит этот процесс, из-за подрыва действительной силы, на которой базируется господство США — их экономики.

ОЧЕВИДНАЯ НЕСПОСОБНОСТЬ КАК
СЛЕДУЕТ ОККУПИРОВАТЬ ДАЖЕ
ОТНОСИТЕЛЬНО НЕБОЛЬШОЙ ИРАК,
НЕСМОТЯ НА БЛЕСТЯЩЕ ПРОВЕДЕН-
НУЮ ВОЕННУЮ КАМПАНИЮ, ДЕЛА-
ЕТ ГОСПОДСТВО США ЭФЕМЕРНЫМ,
ОСНОВАННЫМ НА ВРЕМЕННОМ БЛА-
ГОПРИЯТНОМ РАСКЛАДЕ СИЛ

ЭКОНОМИКА

Призывы увеличить оборонные расходы отражают ощущение американскими политиками и аналитиками ослабления страны. Естественное желание при этом — сделать армию сильнее. Но ослабление Америки вызвано вовсе не слабостью армии (с ней-то как раз все в порядке), а торможением экономики из-за высоких социальных расходов. «... Успех глобализации, превратившей Китай в главную промышленную фабрику мира, может стать основным фактором в крахе американской промышленности»⁴, — говорит обычно осторожный и спокойный Бжезинский. Хотя производительность в промышленности выросла за последние пять лет на 27%, страховые взносы на здравоохранение увеличились на 34%, а судебные издержки на 33%. Государственные пенсии уже стали главной расходной статьей бюджета.

Однако авторы «Проекта нового американского века» ни слова не говорят об этом, ограничиваясь заявлениями, которые были весьма уместны в ходе холодной войны, но которые выглядят анахронизмом сегодня. Америке следовало бы не «бросить вызов режимам», не поддерживающим ее интересы и ценности, на чем настаивают авторы документа, а восстановить собственные ценности на своей же территории. «Мы должны поддерживать движение за политическую и экономическую свободу за рубежом», — утверждают неоконсерваторы. Но для начала было бы неплохо восстановить экономическую свободу в собственной стране. А у конкурентов, таких, как Китай, напротив, пусть лучше у руля остаются коммунисты. В какой-то момент они, возможно, решат, что дальнейшее экономическое развитие страны угрожает их монополии на власть. И вот тут-то Америке следовало бы не «поддерживать движение за экономическую свободу», а всячески убеждать китайцев в ее опасности для государства. Если этого не произойдет, если американцы и впредь будут вести Китай по пути, который делает сами Соединенные Штаты неконкурентоспособными по сравнению с ним, то внешнеполитическое рвение неоконсерваторов дорого обойдется Америке.

А что до экономической свободы, то в Китае ее не так уж мало, иначе бы западный бизнес не бежал в Поднебесную, не обремененную такими социальными расходами, которые делают споры о наличии экономической свободы в США все более острыми.

Оставаясь в русле реалистического направления в политической стратегии, следует считать пребывание у власти в Китае компартии благом при условии ограничения ею экономической свободы в своей стране. На самом деле реализм в политике является единственно эффективным методом, все остальное — лишь паразитирование на его успехах. После победы любимца неоконсерваторов реалиста Рейгана над Советским Союзом, победы, достигнутой весьма прозаическими средствами, в том числе подрывом экономического потенциала конкурента, и приведшей к обнищанию огромной страны

4 Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 206.

и многочисленным войнам на ее территории, можно, разумеется, рассуждать о приоритете неких ценностей. Но если бы американцы в ходе холодной войны действительно строили свою политику, исходя из человеколюбивых соображений, а не поддерживали проамерикански настроенных диктаторов по всему миру, они бы ее проиграли⁵. Америка победила не потому, что защищала гуманизм, а потому что ее экономическая и политическая системы были более эффективны. Эффективность не означает гуманность, хотя и не исключает ее. Среди многочисленных примеров можно назвать передачу в 1966 году Соединенными Штатами правительству Индонезии списков активных коммунистов этой страны, после чего были убиты по меньшей мере 250 тысяч человек. Через два года несопоставимо менее кровавое удушение «Пражской весны» было представлено как верх злодейства. Но поскольку победа в конечном итоге осталась за американцами, то 1968 год помнят все, а 1966 — только специалисты.

О распространении своих ценностей по всему миру Америке следовало бы забыть в тот момент, когда эффективность зарубежных экономик, основанная на этих принципах, стала бы угрожать конкурентоспособности самих Соединенных Штатов. И момент этот наступил. Не помогать — не значит мешать. Но не помогать конкуренту — значит помогать себе. Америке пора сосредоточиться на реформировании собственной экономики, а не распространять ценности и увеличивать военный бюджет (заметим, что без увеличения военного бюджета эти благотворные ценности, по мнению неоконсерваторов, видимо, распространять вообще не удастся). Даже самая совершенная система противоракетной обороны не защитит Америку от профсоюзов, которые ведут войну против экономики, от лентяев-школьников, чей уровень образования все больше отстает от азиатского, от социальных программ, поощряющих безделье.

Начав чрезмерное финансирование социальных программ и сняв почти все ограничения на деятельность профсоюзов, Америка стала сокращаться в размерах, подобно Алисе, попробовавшей содержание флакона с надписью «Выпей меня». Нынешнее относительное ослабление Соединенных Штатов, злорадно отмечаемое конкурентами, — это в основном следствие их экспериментов с профсоюзами, заставляющими бизнес перемещаться в Азию. Можно только надеяться, что противостояние с Китаем будет достаточным основанием для оздоровления Америки. Европа, по всей видимости, потеряна безвозвратно, консерваторы там слишком слабы, а социалисты — слишком сильны.

Дальнейшее ограничение роста населения из-за аборт и кризис промышленности из-за непомерных социальных расходов при прогрессирующей деградации союзников в Европе грозит США стратегической катастрофой и сворачиванием своего влияния в Восточной Азии, становящейся ключевым регионом мира. Причем увеличение оборонного бюджета не имеет никакого отношения к решению этих проблем.

5 К началу 1970-х годов не менее двух миллионов солдат военно-диктаторских режимов в разных странах были вооружены на американские деньги.

КИТАЙ

Америка породила «китайскую проблему», допустив когда-то китайцев на свой рынок для того, чтобы перетянуть их на сторону Запада в холодной войне. То, что было великолепным ходом в отношении малышей вроде Сингапура и Тайваня, а также оккупированной Японии, оказалось ошибкой в отношении Китая. Соединенные Штаты позволили развиться стране, которая имеет теперь все шансы положить конец их мировой гегемонии.

Механизм, который позволяет Китаю в течение ближайших двух-трех десятилетий заменить Америку в роли мирового лидера, прост. Население Поднебесной в четыре раза больше населения США, поэтому даже если средний китаец будет в два раза беднее американца, Китай в целом будет в два раза богаче США, то же относится и к ВВП. Военный бюджет Китая будет в два раза больше американского, составляя одинаковую с ним долю от ВВП. Причем население Китая в ближайшие двадцать лет вырастет еще на 300 млн человек (это нынешняя численность населения США).

Для оценки национальной мощи важны, прежде всего, два показателя — объем экономики и численность населения. Национальная военная мощь — это численность населения, умноженная на объем экономики. В эту формулу также следовало бы включить коэффициент развития новых технологий, поскольку огромная страна, производящая детские игрушки, никого, конечно, не победит.

Соединенные Штаты сохраняют колоссальное преимущество в объеме ВВП (около \$ 13 трлн против примерно \$ 2 трлн у Китая по официальному обменному курсу), а также в области высоких технологий. Если даже не учитывать последнее обстоятельство и сопоставить демографический потенциал двух стран, помноженный на объем их ВВП, то США пока заметно лидируют. Однако их ВВП, как не перестают отмечать наблюдатели, раздут за счет сферы услуг. В действительности, если бы не первенство США в новых технологиях и приобретенный еще во времена холодной войны контроль над ключевыми регионами мира, то их силы с Китаем уже лет через пятнадцать были бы сопоставимы.

В любом случае, как признают американские эксперты, китайский ВВП сравняется с американским приблизительно в 2040 году⁶. Если оценивать национальную мощь по упрощенной формуле *ВВП × население*, то Америка перестанет быть мировым лидером задолго до этого.

Все эти расчеты весьма условны, необходимо принимать во внимание еще и исторические особенности, делающие экономических гигантов Японию и Германию военными карликами, а экономического карлика Россию — военным гигантом (во все меньшем, конечно, масштабе). Но вот на что нужно обращать внимание при оценке национальной мощи в последнюю очередь — так это на уровень доходов на душу населения, которым так кичится Запад,

6 Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. http://www.cia.gov/nic/NIC_globaltrend2020_s1.html#page32

но который его тем не менее не спасет. Постоянное отступление высокотехнологичного Израиля перед нищими палестинцами показывает, что ждет Западный мир в целом и США в частности.

* * *

Распад Советского Союза и последовавший за ним крах Российской Федерации, увязнувшей во внутренних проблемах, позволил руководству КНР сосредоточить усилия по военному планированию на южном направлении, а также на развитии военно-морских сил. И то, и другое фактически направлено против интересов США, остающихся покровителем Японии и Тайваня.

Начиная с 1992 года закрытые партийные документы КПК характеризуют Соединенные Штаты как подлинного врага Китая⁷. По мнению китайских лидеров, «враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну»⁸. Америка, по их мнению, пытается «разделить Китай территориально, подчинить его политически, сдерживать стратегически и сокрушить экономически»⁹. Однако ни одна из этих целей не будет достигнута, если американцы пропустят момент вмешаться в дела Китая, когда он войдет в период нестабильности после потери компартией контроля над страной, либо не будут поощрять сдерживание компартией развития страны, если она сумеет остаться у власти.

Аналитики, являющиеся сторонниками мягкого подхода к Китаю и считающие, что его рост вот-вот замедлится, фактически придерживаются принципа «если проблему не решать — она решится сама». Надежды на то, что Китай будет уравновешен соседними Японией и Россией, также нереалистичны. Первая из этих стран, увы, лишена армии, вторая — экономики¹⁰. Китай же обладает и тем, и другим, причем во все возрастающей степени. Но он, говорят оптимисты, обременен внутренними противоречиями, которые еще не позволяют ему стать великой державой. Однако Америка *уже* не может безболезненно разрешить свои внутренние противоречия. Между «еще» и «уже» большая, пугающая разница.

Другой аргумент сторонников мягкой линии — если Китаю дать достаточно развиваться, он станет уверенным в себе государством, которое не будет нуждаться в большой военной машине. А разве Соединенные Штаты с их чудовищным военным бюджетом не уверены в себе? И не потому ли они уверены в себе, что обладают таким бюджетом? Пекину придется соперничать с Вашингтоном за источники сырья в Средней Азии, и, возможно, даже Персидском заливе. Со странами, выходящими в Южно-Китайское море, где также есть нефть, Китай уже находится в состоянии конфликта из-за непо-

7 Уткин А. И. Указ. соч. С. 173.

8 Там же. Высказывание относится к 1995 году.

9 Там же.

10 По объему ВВП Россия находится на десятом месте в мире, уступая Испании. Индия вот-вот вытеснит РФ из первой десятки.

деленных островов. Какими же доводами он будет пользоваться в этих спорах, кроме тех, которые американцы так удачно используют на протяжении всей своей истории, но особенно в последние сто лет?

Надежда на то, что Китай не будет втягиваться во внешние авантюры, опасаясь внутренней фрагментации, еще более призрачна. Во-первых, этот аргумент не соотносим с предыдущим, согласно которому Поднебесная рано или поздно превратится в «уверенное в себе государство». Во-вторых, трудно назвать страну, которая бы всегда руководствовалась разумными соображениями. Четыре империи развалились в ходе одной только Первой мировой войны, из них три европейских, чьи элиты были вполне просвещенными.

Сохранит ли Китай территориальное единство? Наиболее общий принцип звучит так: либеральный миропорядок разрушает государства, не основанные на нем. Крах кайзеровской и нацистской Германии, «тюрьмы народов» Австро-Венгрии, безнадежно отставшей Османской империи, феодально-монархической Российской империи, а затем и авторитарного Советского Союза подтверждают этот тезис. Либеральные США, Британия и Франция выиграли обе мировые войны. Казалось бы, коммунистический Китай ждет печальная участь.

Есть, однако, подозрение, что либеральный порядок со всеми его свободами и правами человека разрушает все государства, независимо от того, либеральны они или нет. Британия и Франция потеряли колонии, как и США, предоставившие в 1946 году независимость Филиппинам, а сегодня тихо теряющие Флориду и юго-запад. Иммигранты из развивающихся стран, так же, как и сокращение коренного населения, представляют угрозу существованию западных политических систем. Китай, не попав в первую волну распадающихся авторитарных государств, как раз-таки может сохранить на новом историческом этапе территориальное единство именно благодаря своей авторитарности.

Из всего этого следуют два основных вывода. Если США вмешаются в китайские дела во время нестабильности после потери компартией власти над страной, их целью должно быть не «распространение демократических ценностей», а территориальная дезинтеграция Китая. Если компартия сохранит власть, Америка должна не навязывать ей принципы экономической свободы, превращающие сами США в аутсайдера, а, напротив, поощрять деструктивные для китайской экономики попытки коммунистических лидеров сохранить авторитарный характер правления навечно. И первое, и второе находится в противоречии с доктриной неоконсерваторов, которую, в свою очередь, трудно согласовать с американскими интересами.

НА СТРАЖЕ БУДУЩЕГО

Попытка разработать реалистичные варианты действий для будущего всегда упирается в необходимость предлагать разные сценарии в зависимости от того, станет ли ситуация развиваться по жесткому или по мягкому пути. Характерен вопрос наших современников по поводу развязанной немцами

в 1939 году мировой войны — неужели им было неясно, что если у страны развитая экономика, она может все купить без всякой войны? Зачем напрягать группу армий «Юг» за украинской пшеницей и бакинской нефтью, если украинцы и азербайджанцы все привезут сами, стоит только послать туда нескольких бизнесменов? К чему угонять рабочую силу в Рейх, если она сама готова туда ехать и работать за копейки? Сегодня можно задать другой вопрос — будут ли и впредь отношения между государствами складываться по большей части на основе торгового обмена?

Отличия эпохи 1930-х от нынешней бросаются в глаза. Некорректно сравнивать сегодняшнюю Германию с вымирающим коренным населением, где доля пожилых людей становится все больше и уже во многом определяет политику, с Третьим рейхом. В начале двадцатого века население страны росло стремительно (почти в два раза быстрее, чем в Великобритании), оно было в основном молодым, существовала сельская перенаселенность, поскольку города не могли поглотить такую массу людей (среднегодовое превышение рождаемости над смертностью в 1900–1910 годах составляло 866 тыс. человек). Примерно такая же ситуация была и в других европейских странах. Отсюда общее напряжение, когда стало уже не до коммерческой выгоды. Немцы действительно нуждались в жизненном пространстве столь же остро, как сегодня они нуждаются в домах для престарелых. Мир может быть следствием бессилия точно также, как и силы. Государства не воюют, если они либо одинаково сильны, как США и СССР, либо одинаково слабы, как нынешние европейские страны. При дисбалансе сил или особенно настойчивой необходимости, соблазн может быть слишком велик.

Судя по постепенному сокращению рождаемости во всей Азии, жесткий сценарий она может миновать. Однако численность населения там растет хоть и медленнее, чем прежде, но все же растет. Это делает неясным ответ на вопрос, каково будет состояние мира через 15–20 лет, останутся ли азиатские страны привержены выбору в пользу торговли, а не войны, который уже явно сделали Китай и Индия. Сколачивать ли Америке уже сегодня глобальную антикитайскую коалицию, готовясь к новой мировой войне, увеличивать военный бюджет и ликвидировать нелояльные режимы по всему миру, к чему призывают неоконсерваторы, или считать призывы к этому архаической глупостью в век Интернета и мобильной связи?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, возможна ли модернизация без вестернизации, на которой настаивают как китайские лидеры, так и руководители исламских стран. Если бы она была возможна, Америке предстояло бы столкнуться с не менее развитыми, чем она, но абсолютно чуждыми ей в культурном плане государствами, которые были бы более склонны считать ее исчадием ада, чем государства со сходной идеологией.

Представляется, однако, что модернизация без вестернизации невозможна, потому что это — одно и то же. Модернизация, то есть переход от аграрного к индустриальному обществу, разрушает сельскую общину с ее «соборностью» и коллективизмом, отделяет личность от общины. Человек уходит на заработки в город и там не зависит уже ни от кого и ни от чего,

в том числе и от религии, регулировавшей жизнь при примитивном аграрном строе. А независимая личность — это и есть основа западного общества, также бывшего некогда коллективистским и соборным. После периода всплеска религиозности потерявших духовную основу в жизни новых горожан следует ожидать секуляризации их мировоззрения, как это произошло с европейцами, по мере адаптации к новым условиям. Советское общество, в основе которого лежал коллективизм, рухнуло вскоре после завершения индустриализации в 50-х годах. В 60–80-е годы шло разложение коллективистской доктрины, а в 90-е она скончалась. Религиозность россиян, было усилившаяся в переходный период 90-х, также заметно пошла на убыль.

Современная техника, производная от западного индивидуализма, способствует ускоренному размыванию восточных обществ. Коллективизм и персональный доступ в Интернет несовместимы. Это признает и КПК, стремящаяся ограничить доступ китайцев во всемирную паутину. Полити-

ческий плюрализм, в свою очередь, является следствием формирования при капитализме множества групп интересов, которые необходимо будет согласовывать.

Достигнув западного уровня развития, к которому он стремится, Китай станет западной страной, как в свое время Япония. Чем больше китайские лидеры упорствуют в противостоянии Америке, развивая свою экономику, тем больше КНР становится на нее похожа. Это относится и к исламским странам, правда, в меньшей степени.

Желание неоконсерваторов непременно сбросить архаичные режимы силой может служить лишь примером попытки поторопить историю, которая редко оканчивалась успехом. Эксперимент с введением демократии во Франции во время радикального периода революции конца XVIII века закончился распадом общества и массовым террором. Наиболее вероятным результатом утверждения демократии в современном Ираке является гражданская война.

НОВЫЙ ВЗЛЕТ

Несмотря на все вышесказанное, существует вероятность, что Америка еще долго сохранит лидерство в мире, безотносительно к размеру военного бюджета и количеству карательных операций с целью насаждения демократии. Несмотря на известные факторы, которые способны привести к ослаблению влияния США в мире (подъем миллиардных Индии и Китая, быстрый рост населения и экономик других крупных стран, таких, как Индоне-

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА, ПРОИЗВОДНАЯ ОТ ЗАПАДНОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА, СПОСОБСТВУЕТ УСКОРЕННОМУ РАЗМЫВАНИЮ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ. КОЛЛЕКТИВИЗМ И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ НЕСОВМЕСТИМЫ

зия и Бразилия, общий рост грамотности и благосостояния человечества, возможность этнических конфликтов в самих Соединенных Штатах), существуют также аргументы в пользу противоположной точки зрения. Влияние Америки может не только не сократиться, но даже вырасти. Тому способствуют следующие процессы.

Во-первых, в Соединенных Штатах наблюдается самый значительный в абсолютных числах демографический рост за всю историю индустриальных обществ. Население США растет на 2–2,5 млн человек в год. Если этот рост сохранится (а он может и увеличиться), то, соответственно, к концу нашего века там будет жить более 500 млн человек (непонятно, правда, в какой степени они будут американцами). При этом население Европы сократится только к 2020 году на 30 млн человек (с 727 млн в 2000 до 695 млн в 2020 году). Трудно сказать, что будет происходить с Европой дальше, но, возможно, к концу века демографический потенциал США приблизится к европейскому. Население будет сокращаться также в Японии, Южной Корее, на Тайване, которые могли бы составить некоторую, пусть в основном экономическую, конкуренцию США. Ряд исламских, в том числе арабских, стран также в ближайшем будущем ждет эта печальная судьба. Рождаемость ниже уровня воспроизводства, согласно данным американского разведывательного сообщества, может опуститься в Турции, Алжире, Тунисе, Ливане¹¹.

В России в 2007 году начнется сокращение трудоспособного населения, причем сокращение это, начиная с 2009 года, будет достигать миллиона человек в год. Массовый импорт рабочей силы из СНГ не сможет компенсировать потери из-за низкой квалификации мигрантов. Кроме того, такой импорт, как и в случае с иммиграцией в ЕС, станет проблемой сам по себе из-за обострения межэтнических отношений. Соединенным Штатам пока удастся избегать такого обострения благодаря широким возможностям, которые открывает эта страна, направляя человеческую энергию в производительное русло.

С населением главного конкурента Америки – Китая, происходит сложный процесс. Политика коммунистического правительства «одна семья – один ребенок», в случае успеха, приведет к падению рождаемости ниже уровня воспроизводства. Эксперты, привлеченные Советом по разведке США для подготовки прогноза мирового развития к 2020 году, приводят шокирующие данные, свидетельствующие о том, что коммунистическое правительство Китая, по всей видимости, решило пожертвовать будущим страны для сохранения собственной власти. Почти 400 миллионов жителей КНР из 1 млрд 400 млн к 2020 году будут старше 65 лет, то есть больше, чем каждый четвертый¹². Чтобы избежать народного бунта, КПК решила превратить китайцев в нацию стариков. Такой политический режим в Пекине весьма выгоден Вашингтону, а потому, как можно надеяться, Америка, при-

11 Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. http://www.cia.gov/nic/NIC_globaltrend2020_s2.html#age

12 Ibidem.

ложит усилия к его сохранению вопреки призывам сторонников «демократизации» страны, способной привести к скатыванию самих Соединенных Штатов на вторые роли в мире уже в первой половине этого века. Если же все пойдет, как идет, к 2025 году стремительно растущее население США будет моложе населения Китая.

Во-вторых, бедность и неграмотность на планете, которые сегодня делают возможным господство США, несущих цивилизацию, не обязательно будут исчезать. Более того, возможен регресс, включая полномасштабные войны в Азии. В некоторых странах наблюдается всплеск радикализма, в том числе религиозного, упадок секулярных ценностей отмечается даже в Индии. *В каком-то смысле рост демографического потенциала стран-конкурентов Америки служит противовесом самому себе, поскольку ведет к бедности и нестабильности, которые и позволяют Соединенным Штатам играть роль оплота мирового порядка* и, соответственно, быть главной державой планеты.

В-третьих, при сохранении нынешних тенденций, согласно оценкам, средний немец через двадцать лет будет жить в два раза беднее американца из-за негибкого рынка труда и сферы услуг в ЕС. Превосходство США над ЕС со временем будет только расти, в том числе и в экономической области, что не позволит европейцам содержать армию, сопоставимую с американской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы сохранить мировое господство, как можно уже с достаточной определенностью сказать, Соединенным Штатам придется сокращать социальные программы, ограничивать деятельность профсоюзов и, по всей видимости, запрещать аборт, уносящие больше миллиона жизней в год, что уже сказывается на экономических и военных возможностях страны. Процветающая американская экономика, не обремененная непомерными социальными расходами, могла бы привлечь лучших специалистов со всего мира, в том числе и из Поднебесной, и уже этим сократить ее возможности.

Если Америке не удастся спровоцировать мирный распад Китая, как это удалось сделать в случае с Советским Союзом, ей придется со временем смириться со статусом державы № 2, что отнюдь не является катастрофой. Ситуация вполне может измениться на очередном повороте истории, каким может стать полномасштабная война в Азии. Если у Соединенных Штатов получится в третий раз сыграть роль решающей силы, как это было во время Первой и Второй мировых войн, они снова получат шанс оказаться лидером.

Разумеется, провоцирование такой войны с целью раздела Китая было бы преступлением, да оно и невозможно, учитывая влияние общественного мнения страны на выработку внешней политики. Только если китайские руководители повторят ошибку Гитлера и начнут войну за мировое господство, вместо того, чтобы подождать двадцать лет и получить это господство бескровно, Америка будет иметь шанс на силовой раздел Китая. Однако маловероятно, что китайцы эту ошибку совершат. Но в любом случае,

психологические факторы, такие, как высокомерие, гордыня и уязвленное самолюбие китайских лидеров, в том числе военных, могут оказать серьезное влияние на ход истории.

В любом случае, безопасность Соединенных Штатов требовала бы не увеличения военного бюджета, а его сокращения, как и сокращения государственных расходов вообще. История Советского Союза показала, что недопустимо жертвовать развитием экономики ради раздувания ассигнований на армию. Для США предвидится другая опасность, куда более вероятная, чем китайский десант в Калифорнии — разорение американской промышленности из-за слишком высоких отчислений по социальным программам. Увеличение оборонных расходов и связанных с ними налогов только усугубит ситуацию.

Америка останется мировым лидером, если она останется сама собой, а не превратится в страну-крепость с агрессивной армией чудовищных размеров. Разница между демократической республикой и тиранической империей состоит в том, что республика содержит вооруженные силы для защиты своих естественно возникающих интересов, а империя — для утверждения этих интересов там, где их не было. Манифест неоконсерваторов как раз и фиксирует это роковое перерождение.